

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ
НА «БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ»:
ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ КРИЗИС?**

РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК

**МОСКВА
2016**

ББК 60.33(5)(6)
86.38-8(533)
П 50

Серия
*«Проблемы общественного развития стран
Азии и Африки»*

*Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем*

Отдел Азии и Африки

Ответственный редактор сборника – канд. ист. наук
А.И. Фурсов

Редактор-составитель – канд. ист. наук *Т.К. Кореев*

П 50 **Политический ислам на «Большом Ближнем Востоке»: Возрождение или кризис?** Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отдел Азии и Африки. – М., 2016. – 168 с. – (Сер.: Пробл. обществ. развития стран Азии и Африки). ISBN 978-5-248-00823-0

Рассматриваются проблемы развития политического ислама на «Большом Ближнем Востоке». Анализируются различные точки зрения на этот процесс – возрождение или кризис, ведущий к катастрофе.

Для востоковедов, историков, религиоведов, специалистов по международным отношениям, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

The collection is centered around the problems of the evolution of political Islam in the Greater Middle East. A variety of relevant viewpoints are analyzed – from reform and revival to crisis and catastrophe.

For specialists in Oriental and African studies, anthropology of religion and international relations, higher education staff, MA and BA students.

ББК 60.33(5)(6)

86.38-8(533)

ISBN 978-5-248-00823-0

© ИНИОН РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Люизар П.-Ж.</i> Политическая история шиитского духовенства (XVIII–XXI вв.)	13
<i>Арменжон-Хашем К.</i> Шиизм и государство. Духовенство перед лицом современности	76
<i>Салех А., Крэцимар Х.</i> Политизированные идентичности, секуритизированная политика: Сунниты и шииты в политической жизни Египта.	94
<i>Ладжаль Т., Бенсаид Б.</i> Суфизм и политика в современном Египте: Очерк деятельности суфиев в пред- и постреволюционных реалиях (до и после января 2011 г.)	105
<i>Аль-Анани Х.</i> Взлет и падение «Братьев-мусульман» Египта	116
<i>Инсель А.</i> Новая Турция Эрдогана. От мечты о демократии к отклонению в авторитаризм.....	127
<i>Руф В.</i> «Исламское государство» – порождение США?	145
<i>Дистельхоф Ю., Уаисса Р.</i> Политический ислам как фактор системы? От конкуренции к кооперации в борьбе за региональное (пере-) устройство	148
<i>Петерсен К.</i> «Исламское государство» и Центральная Азия	152
Глоссарий	157
Указатель имен собственных	161
Указатель географических названий	164
Указатель названий организаций, партий и политических движений	166

Предисловие

В название данного сборника вынесен устоявшийся в последние десятилетия термин «политический ислам» – имеется в виду резкая политическая активизация ислама, которая произошла после хомейнистской революции 1979 г. в Иране. Однако надо помнить, что о «политизации ислама», о «политическом в исламе» можно говорить только с европейской, а еще точнее – с западоцентричной точки зрения. Дело в том, что в западной цивилизации, особенно с ее вступлением в капиталистическую эпоху, произошло обособление политики и религии, а в начале XIX в., в связи с тем что религии было все труднее и сложнее выполнять политическую функцию, компенсаторно возник феномен идеологии.

Совершенно иначе обстоит дело в исламе, который мы на западоцентричный лад нередко определяем как нерасчлененное единство религии и политики. Но если это единство и к тому же нерасчлененное, т.е., по всей вероятности, гомогенное, то откуда мы знаем, что в нем одновременно присутствуют религия и политика? А знаем это мы вот откуда: наблюдая западоцентричным взглядом некую сущность, мы видим, что она ведет себя иногда так, как ведет себя на Западе религия, а иногда – как политика. Ничтоже сумняшеся мы приклеиваем этой сущности ярлык «нерасчлененное единство религии и политики», совершая, таким образом, двойную ошибку – системно-сущностную и логико-историческую, нарушая системный и исторический принципы исследования. На самом деле ислам – это интегральный феномен, регулирующий и определяющий поведение человека (мусульманина) в целом, без выделения – взаимообособления, как это имеет место на Западе, – сфер: религиозной, политической, моральной и правовой.

Западный человек интуитивно эту интегральность чувствует. Во время вьетнамской войны в городах США и Западной Европы проходили демонстрации, участники которых скандировали

«Хо-Хо-Хо-Ши Мин», поддерживая, таким образом, Вьетнам в его противостоянии США. И это неудивительно: Хо Ши Мин был лидером понятной европейцам и американцам национально-освободительной антиколониальной борьбы, он реализовывал разработанное европейцами и вытекающее из геокультуры Просвещения право наций на самоопределение, т.е. на политическую репрезентацию западным образом организованного этноса (нация).

В ситуации ирано-американского столкновения никто в США и Западной Европе не выходил с транспарантами «Хо-Хо-Хомейни». Люди чувствовали, что программа Хомейни – это тотальное интегральное отрицание Запада не только со всеми его ценностями, но и с принципиальным социальным членением социума на отдельные сферы. Не случайно в идейно-ценностном плане для хомейнизма равно неприемлемы были и США, и СССР, возникший как реализация на русской почве одной из версий западного проекта, а именно левой, якобинской, версии Модерна. Не случайно М. Фуко назвал иранскую революцию 1979 г. «первой постмодернистской революцией»; также ее можно назвать «мартовскими идами» Модерна в исламском мире. Эта революция отрицала и социализм, и национализм, и панарабизм как западные («западоидные») формы. Даже Саддам Хусейн, которого И. Валлерстайн назвал «неудачливым Бисмарком Ближнего Востока», понятен европейцу как социалист, националист и государственный из западоподобной партии БААС, – но не Хомейни: если Саддам – чужой, то Хомейни – чуждый. Так же чужда исламу политика, в строгом смысле этого термина.

За термином «политический ислам» скрывается неожиданная для европейца радикализация ислама на архаический манер, его футуроархаизация. Если с конца XIX в. почти в течение столетия ислам пытался адаптироваться к Западу, к Модерну, отзеркаливая его (национализм, социализм), то в 1970-е годы резко активизировался процесс демодернизации как противостояния европейскому проекту. Причём впервые произошло это, во-первых, как реакция на советскую версию Модерна в Афганистане после непродуманного ввода туда в 1979 г. советских войск, во-вторых, и это главное, при активнейшей стимуляции этого процесса американцами, которые, по сути, и спустили курок демодернизации ислама, дав этому процессу политическое и военно-техническое обеспечение.

Суть в следующем. Как верно заметил А. Афанасьев, до Афганистана везде, где имело место противостояние СССР – США, обе стороны выдвигали свои проекты модернизации – социалистический и капиталистический. Так было во Вьетнаме, в Африке, в

Латинской Америке. Однако в Афганистане американцы противопоставили социалистически ориентированному Модерну не альтернативный капиталистический, а сделали ставку на архаику, на антимодерн. «Такого до этого никогда не было, – развивает мысль А. Афанасьев. – СССР поддерживал национально-освободительное движение по всему миру, он поддержал революцию на Кубе, но СССР в голову не пришло бы поддержать не прогрессивное социалистическое движение, ратующее за перемены и развитие, а дикарских богословов, готовых резать головы под завывание муллы. И никогда до этого белый человек не приходил в Третий мир с проектом не модернизации, а деградации, никогда раньше он не вооружал реакционеров современным оружием. Американцы сделали это, и это стало началом конца того мира, который мы помим до сих пор, как, наверное, дикари помнили благословенные времена Римской империи». Неудивительно, что именно в Афганистане произрос вскормленный американцами Усама Бин Ладен, повернувший свое оружие против бывших спонсоров и объявивший им джихад. «Ступай, отравленная сталь, по назначенью» – так характеризовал подобного рода ситуацию Шекспир (в пастернаковском переводе), имея в виду отдачу.

«Отдача. Цена и последствия существования американской империи» – именно так называется вышедшая в 2000 г. книга Чалмерса Джонсона о том, что ждет США и Запад в целом в первой половине XXI в. Ч. Джонсон – выдающийся аналитик и эксперт ЦРУ по Японии, видный специалист-практик по антипартизанской войне; в начале XXI в. – президент Института изучения японской политики и Professor Emeritus Калифорнийского университета. В «Отдаче» он спрогнозировал ответную реакцию различных азиатских обществ на то давление, которое они испытали от США во второй половине XX в. И хотя основное внимание он уделил Восточной Азии, а Ближнего Востока, т.е. Западной Азии, коснулся вскользь, его общий подход коррелирует с цитатой из работы А. Афанасьева, которую я привел выше. «Аль-Каида», ИГИЛ и многое другое – это реакция на действия Запада.

Ныне это признают даже те западные политики, которые неистово ратовали за активное вмешательство в ближневосточные дела, в частности в Ирак для свержения Саддама Хусейна. 25 октября 2015 г. бывший премьер-министр Великобритании Энтони Блэр публично признал, что именно вторжение в Ирак стало одной из причин появления на свет ИГИЛ. Он принес извинения за ошибочную политику и признал тогдашние разведданные невер-

ными. Однако уже не изменить того, что Ирак – в руинах, что офицеры-баасисты берут реванш, оседлав радикально-исламистское движение и «халифат», что на Ближнем Востоке рушатся последние оплоты Модерна и светскости, а их место занимают фундаменталисты, и целые регионы падают в досовременное футуроархаическое прошлое. Всё это поверхностно и ошибочно именуют экспансией «политического ислама» – ошибочно, поскольку это движение отрицает и уничтожает не только светскость и государственность современного типа, но политику, само понятие политического. Не говоря уже о демократии. И ведь до сих пор находятся наивные, мягко говоря, люди, в том числе и у нас, которые считают, например, что так называемая «арабская весна» была обусловлена стремлением арабов к демократии.

Своеобразную отповедь этим «новым кандидатам» дал известнейший британский арабист и разведчик (точнее сказать, «British agent») Бернард Льюис (31 мая 2016 г. отметил свой столетний юбилей; автор 32 книг, переведенных на 29 языков, настоящий автор термина «столкновение цивилизаций», «запустивший» его за несколько лет до С. Хантингтона). В своих мемуарах Льюис писал: «Многие верят, что арабы стремятся к свободе и демократии. Жители Запада, как правило, думают о демократии в своих категориях – это естественно и нормально, – имея в виду периодические выборы в нашем стиле. Однако было бы ошибкой прилагать эти категории к Ближнему Востоку, это может привести лишь к катастрофическим результатам, как мы это уже видели в нескольких местах. ХАМАС не установил демократический режим, когда оказался у руководства после свободных и справедливых выборов».

То же можно сказать о «Братьях-мусульманах», пришедших к власти в Египте на волне «арабской весны». Они были готовы отбросить Египет в прошлое, и это неминуемо случилось бы, если бы власть не перешла к военным с их по-ближневосточному жестким авторитарным режимом. Парадокс: организуя свержение диктаторов, типа Бен Али, Мубарака, Каддафи или Саддама, Запад убирал тех, кто искренне любил западный образ жизни, готов был работать с Западом и жестоко – да, жестоко, – подавлял исламистов и ставил преграды на пути массовой миграции с Ближнего Востока в Европу. Теперь преграды нет, миграционный кризис в Европе надолго, если не навсегда, с весьма серьезными демографическими, этнополитическими и социокультурными последствиями для Европы. Французский актер алжирского происхождения Брахим Заибат в роли Атоса (графа де ла Фер) в музыкальном спектакле «Три

мушкетера» (май 2016 г.) – символ меняющегося в результате «отдачи» облика Европы. Эта «отдача» приходит в виде «политического ислама», отрицающего не только и так дышащие на ладан европейские ценности, но и саму политику.

Именно поэтому необходимо разбираться, во-первых, в феномене, метафорически именуемом «политический ислам»: внешне кажущийся прошлым, он вполне может оказаться будущим (причем очень скоро) не только для мусульманского мира, но также для Европы и – вовсе не исключено – для некоторых регионов США, Латинской Америки и даже России; во-вторых, вообще в логике противостояния суннитов и шиитов в ходе современного этапа борьбы на Ближнем Востоке и за Ближний Восток, и в частности в шиизме, о котором работ написано меньше, чем о суннизме.

Именно поэтому настоящий сборник открывается рефератами двух монографий по истории шиизма.

Вразрез со стереотипом, утверждающим, что в исламе нет духовенства, в шиизме последние два столетия разворачивается стремительный и безостановочный процесс «клерикализации». Таков лейтмотив монографии П.-Ж. Люизара (Национальный центр научных исследований; Париж, Франция) «Политическая история шиитского духовенства (XVIII–XXI вв.)». Самоорганизация религиозных руководителей шиитов идет параллельно с их растущим вмешательством в политику. Одним из слабо изученных, но весьма влиятельных институтов, послуживших основой для функционирования, по выражению Люизара, «своего рода коллективного Ватикана для шиитов всего мира», является марджайя. Французский автор на огромном фактическом материале рассматривает длительный ход ее становления, показывая, как эта форма консолидации шиитских богословов и законовевдов крепла в неустанной борьбе против официального истеблишмента, приводя к вызреванию настоящей контрэлиты.

Примеры масштабных планов и далеко идущих амбиций шиитских законоучителей – их противодействие европейской экспансии и колониализму начиная с XIX в., сопротивление национальной государственности, водворенной в Ираке системой британского мандата, поддержка национализации нефтяной промышленности Ирана при Мосаддеке и революция 1979 г., перевернувшая всю социальную историю той же страны, неудержимый взлет «Хизбаллах» в Ливане, координация оппозиционных движений в монархиях Персидского залива (в первую очередь, в Бахрейне) и, наконец, восстановление, под американским патронажем, иракского государства, где, по сути, доминируют конфессионально мотивированные шиит-

ские партии. Реалии же XXI в., частью которых является не только нарастающая напряженность в отношениях шиитов с мусульманским большинством – суннитами, но и напор всесторонней секуляризации, бросают марджайе беспрецедентный вызов, заставляя ее мобилизовать все свои ресурсы – от традиционных до ультрасовременных (включая интернет-коммуникации).

К. Арменжон-Хашем (Практическая школа высших исследований; Париж, Франция) пытается объяснить двойственность в восприятии шиитским духовенством острых проблем модернизации. Руководство государственными делами, которое оно взяло на себя после свержения автократии Пехлеви, не только противоречит его традиционному учению о верховной власти, но и, казалось бы, парализует нормальное функционирование марджайи.

Французская исследовательница ставит под сомнение общепринятое утверждение, будто иранский режим идет против течения современности, что якобы выражается в слиянии религиозных и политических полномочий, воплощенном в «правлении законоведа» (велейат-е факих). Слишком часто упускается из виду, что такое «правление» не имеет ни институциональных, ни доктринальных аналогов в истории шиизма и ислама вообще. Самим фактом преодоления внешней антиномии религиозного и политического оно обозначает беспрецедентное обновление действующих в данной системе правовых и мировоззренческих норм.

Значимым эпизодом стала здесь Конституция Исламской Республики Иран (ИРИ, 1979 г.), поставившая вопрос о применении полномочий «управителя-законоведа» (вали-йе факих), т.е., по сути, о правомерности дихотомии: власть, символически унаследованная от Пророка и двенадцати имамов vs власть, источником которой провозглашается народ. Рождение ИРИ дало духовенству возможность не оставаться более пассивным свидетелем торжества Модерна, который оно воспринимало как нечто чужеродное, и дать ответ на угрозу, которую новые условия социального бытия представляли для его прерогатив. Невозможно адекватно понять происходящее в Иране без учета синхронного развития событий в Ираке с его мощной шиитской традицией и в Ливане, где шииты тесно сосуществуют с самыми разными направлениями не только ислама, но и христианства. «Шиитский полумесяц» предстает, таким образом, настоящей политической лабораторией и, при всей противоречивости и парадоксальности, активно эволюционирующей ареной иной современности.

С рефератом по статье Х. аль-Анани (Институт высших исследований; Доха, Катар) тематика сборника смещается от шиизма к суннизму. Автора статьи «Взлет и падение “Братьев-мусульман” Египта» интересует судьба ихванов после восстания 2011 г.; речь идет о взятии ими власти в 2012 г. и свержении сформированного ими правительства в 2013 г. Оба события застали большинство наблюдателей врасплох. Основной акцент в своем исследовании аль-Анани делает на внутренние факторы развития «Братьев», воздействие их внутренней организационной динамики на их «внешнее» поведение и стратегию. Впрочем, как подчеркивает автор, нельзя недооценивать и влияние внешних факторов. Например, то давление, которое США оказывали на Мубарака, стремясь заставить его либерализовать властное пространство, и те уступки, на которые вынужден был пойти Мубарак, стали великолепным шансом для «Братьев», и они его не упустили. Спровоцированное американцами падение Мубарака оставило огромный вакуум власти, и в 2012 г. ихваны превратились в общепризнанных властителей Египта, хотя и не полностью контролировали госаппарат. Однако триумф «Братьев» был кратким: отсутствие у них подлинно революционной повестки, организационная стагнация и инерция в руководстве, некомпетентность и неопытность в управленческих делах – все это привело к разочарованию и недовольству населения и стало тем фоном, на котором военные свергли «Братьев» и жестко подавили их сопротивление.

Во всех социальных системах, цивилизациях помимо явного, первого контура власти есть второй, неявный, часто он-то и является главным. На феодальном Западе это были орденские структуры; в капиталистическую эпоху их место заняли закрытые наднациональные структуры мирового согласования и управления; в Китае и Японии это тайные общества с бо́льшим или меньшим криминальным оттенком (разумеется, криминальным с европейской точки зрения, поскольку «триады» в Китае или якудза в Японии занимают в социальной системе совсем иную нишу, чем мафия или каморра в западном мире). В исламском мире есть свой «второй контур», хотя и весьма специфический, – суфийские тарикы (термин «орден», порой употребляемый по отношению к тарикам, некорректен). Те, кто полагает, что суфизм – это эзотерика и странствующие дервиши, время от времени впадающие в транс, ошибаются. Тарикы – мощные властные машины исламского мира, играющие серьезную роль в его жизни.

В частности, Т. Ладжалъ (кафедра истории и исламской цивилизации, Малайский университет; Куала-Лумпур, Малайзия) и Б. Бенсаид (Международный исламский университет; Куала-Лумпур, Малайзия) подчеркивают, что тарики играли и играют значительную и даже критически важную роль в формировании властных сил нового типа на Ближнем Востоке после «арабской весны». Это особенно верно по отношению к Египту, где суфии столкнулись с трудностями, пытаясь участвовать во властной жизни. По мнению авторов, суфийским братствам вполне по силам радикально изменить расклад сил в стране, поскольку они глубоко проникли в самые разные сферы египетского общества. Однако в настоящее время тарики занимают если не пассивную, то выжидательную позицию.

В своей книге «Новая Турция Эрдогана. От мечты о демократии к отклонению в авторитаризм» А. Инсель рассуждает об изменениях, которые произошли в Турецкой Республике за время правления «мусульманских демократов» из Партии справедливости и развития (ПСР). Оказавшись в 2002 г. у власти, исламисты, которым ранее не удавалось удерживаться в центре выстроенной кемалистами политической системы, приступили под защитой «европейского зонтика» к ее демонтажу. Постепенно приводя национальное законодательство в соответствие с требованиями ЕС, они лишали главных оппонентов и носителей идеологии лаицизма – верхушку армии и бюрократии – их исключительных прав. Под флагом демократических реформ, ПСР совершила «тихую революцию», и одним из ее важнейших итогов стало усиление общественной значимости религии. Парадоксальным образом, замечает Инсель, демократизация, проводившаяся под знаком вступления в ЕС, оказалась консервативной. Автор утверждает, что проект «демократизации» по Эрдогану есть не что иное, как ползучая исламизация с опорой на религиозно-консервативное большинство, и у приверженцев секуляристских идеалов этот проект порождает чувство отчуждения. По сути, сейчас воспроизводится ситуация, характерная для Турции кемалистской, когда две чуждые по взглядам и образу жизни части социума взирали друг на друга с откровенной неприязнью. Разница состоит лишь в том, что с приходом к власти исламистов позиции сторон сменились на противоположные.

Сборник заключают рефераты статей, где тема «политического ислама» возникает в связи с проблемой так называемого «Исламского государства» (ИГ, запрещено законодательством Российской Федерации).

Составители сборника сочли целесообразным снабдить его глоссарием, где кратко разъясняются основные термины, связанные с догматикой, идеологией и организацией исламских движений Ближнего и Среднего Востока в XX–XXI вв., встречающиеся в реферируемых монографиях и статьях. В Указателе личных имен, общественно-политических движений и партий отражены ключевые персоналии и организации, упоминающиеся в рефератах.

А.И. Фурсов

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Абу-ль-Азаим, шейх Ала
Абу-ль-Футух, Абд аль-Муним
Акри (аль-Акри), Мухаммад Али
Аллави, Ийад
Аль Сабах
Аль Сауд (Саудида)
Аль Сауд, Абд аль-Азиз (Ибн Сауд)
Аль Сауд, Абдаллах
Аль Сауд, Салман
Аль Халифа
Аль Халифа, Хамад бин Иса
Амин (аль-Амин), Мухсин
Асад (аль-Асад), Башшар
Асад (аль-Асад), Хафиз
Асифи (аль-Асифи), шейх Мухаммад Махди
Аун, Мишель
Банна (аль-Банна), Хасан
Бен Али, Зайн аль-Абидин
Берри, Набих
Бин Ладен, Усама
Боруджерди, Хосейн
Валлерстайн, Иммануил
Гольпайегани, Лотфолла Сафи
Гольпайегани, Мохаммад Реза
Гюль, Абдуллах
Давутоглу, Ахмет
Дахлан, Мухаммад
Джавахири, шейх Абд ар-Раззак
Джонсон, Чалмерс
Зайд, Мустафа
Иззат, Махмуд
Йезди, шейх Абд ал-Карим
Каддафи (аль-Каддафи), Муаммар
Касим, Иса

Кассаби (аль-Кассаби), шейх Абд аль-Хади
Кепель, Жиль
Лоуренс Аравийский, Томас Эдвард
Льюис, Бернард
Макарем Ширази, Насер
Малики (аль-Малики), Нури
Матук, Хусайн
Микати, Наджиб
Монтазери, Хосейн Али
Мосаддек, Мохаммад
Мубарак, Мухаммад Хусни
Мударриси, Мухаммад Таки
Мударриси, Хади
Мурси (аль-Мурси), Мухаммад
Мусави, Аббас
Мухйи-д-Дин, Исам
Мухри (аль-Мухри), сайид Аббас
Наджафи (ан-Наджафи), Башир
Насер, Гамаль Абдель
Насири (ан-Насири), Мухаммад Бакир
Насраллах, Хасан
Озал, Тургут
Пехлеви
Пехлеви, Мохаммад Реза-шах
Рейган, Рональд
Рифаи (ар-Рифаи), шейх Тарик
Рухани, Мухаммад
Рухани, Мухаммад Садик
Савирис, Нагиб
Садат (ас-Садат), Анвар
Садр (ас-Садр), Муктада
Садр (ас-Садр), Муса
Садр (ас-Садр), Мухаммад Бакир
Садр (ас-Садр), Мухаммад Садик
Салман, Али
Санад, Мухаммад
Саффар (ас-Саффар), Хасан
Себзевари, Абд аль-Ала
Сезер, Ахмет Недждет
Сиси (ас-Сиси), Абд аль-Фаттах
Систани (ас-Систани), Али
Фадлаллах, сайид Мухаммад Хусайн
Файйад (аль-Файйад), Исхак
Фуко, Мишель
Хаким (аль-Хаким)
Хаким (аль-Хаким), Абд аль-Азиз
Хаким (аль-Хаким), Махди

Хаким (аль-Хаким), Мухаммад Бакир
Хаким (аль-Хаким), Мухсин
Хаким (ат-Табатабаи аль-Хаким), Мухаммад Саид
Хамадани, Хосейн Нури
Хаменеи, сайид Али
Хантингтон, Сэмюэл
Харири (аль-Харири), Рафик
Харири (аль-Харири), Сад
Хафтар, Халифа
Хашеми Шахруди, Махмуд
Хаэри, Казем
Хойи (аль-Хойи), Абд аль-Маджид
Хойи (аль-Хойи), Абу-ль-Касим
Хойи (аль-Хойи), Йусуф
Хомейни, Рухолла Мусави
Хорасани, Мохаммад Казем
Хорасани, Хосейн Вахид
Хусайн, Махмуд
Хусейн, Саддам
Чалаби, Ахмад
Шайх-аш-Шариа
Шамс ад-Дин, шейх Мухаммад Махди
Шараф ад-Дин, Абд аль-Хусайн
Шатир (аш-Шатир), Хайрат
Шафик, Ахмад
Шахави (аш-Шахави), шейх Мухаммад
Ширази, Мухаммад
Ширази, Хасан
Эрбакан, Неджметтин
Эрдоган, Реджеп Тайип

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Афганистан
Баальбек
Бахрейн
Бекаа
Джебель-Амилъ
Египет
Ирак
Иран
Казахстан
Катар
Кербела
Киркук
Кувейт
Кум
Курдистан
Курдистан Иракский
Кыргызстан
Ливан
Мадинат Саддам (Мадинат ас-Садр, «Город Садра»)
Медина
Мекка
Мосул
Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ, Эмираты)
Османская империя (Порта)
Персидский залив (Залив)
Самарра
Саудовская Аравия (Саудия)
Сирия (Сирийская Арабская Республика)
Сирия Большая (Билад аш-Шам)
Таджикистан
Туркменистан
Турция
Узбекистан
Халабджа

Шуф
Эль-Амара
Эль-Катиф
Эль-Кут
Эль-Куфа
Эль-Хаса
Эль-Хуфуф
Эн-Наджаф
Эраки, Мохаммад Али

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ОРГАНИЗАЦИЙ, ПАРТИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

«Аль-Вифак»
«Аль-Каида»
«Аль-Каида в Ираке»
«Аль-Хакк»
«Амаль»
«Армия Махди»
БААС (Партия арабского социалистического возрождения)
«Бадр»
«Братья-мусульмане»
«Ватан» (партия «Родина»)
Верховная ассамблея исламской революции в Ираке (ВАИРИ)
Высший совет шиитов Ливана
«Голос свободы»
«Да'ва»
«Движение обездоленных»
«Движение Послания» (ширазисты)
«Движение иракских муджахидов»
Демократическая исламская партия
Египетская партия освобождения
«Египетские массы»
ИГ[ИЛ] («Исламское государство [в Ираке и Леванте / Сирии]»)
Иракская исламская партия
Иракский национальный конгресс (ИНК)
Исламский фронт освобождения Бахрейна
«Исламское государство Ирак»
Исламское движение Узбекистана
«Исламское сопротивление»
«Ислах»
«Коалиция египетских суфиев»
«Коалиция за революцию»
«Коалиция революционной молодежи»
«Милли гёрюш»

Насеристская партия
Национал-демократическая партия
«Нида Тунис»
«Нур» («Партия света») «Объединение второго Садра» (садристы)
Объединенный Иракский альянс (ОИА)
Организация за исламскую революцию на Аравийском полуострове
Организация исламского действия
Организация моджахедов иранского народа (ОМИН)
«Отряды мученика ас-Садра»
Партия благоденствия (ПБ)
Партия добродетели (ПД)
Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ)
Партия нации
Партия национального порядка (ПНП)
Партия национального спасения (ПНС)
Партия отечества (ПО)
Партия свободы и справедливости (ПСС)
Партия справедливости и развития (ПСР)
Партия счастья (СП)
«Пасдаран» (Корпус стражей исламской революции, КСИР)
Свободная республиканская партия
«Свободная сирийская армия» (ССА)
«Свободные египтяне» (Либеральная партия «Свободные египтяне»)
ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива)
«Фронт / Армия Божией помощи» (Джабхат / Джайш ан-Нусра)
ХАМАС (Исламское движение сопротивления)
«Хизб ут-Тахрир»
«Хизбаллах» («Партия Бога»)
«Ходжжатиё»

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ
НА «БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ»:
ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ КРИЗИС?**

РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30/X – 2016 г. Формат 60 х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 9,0
Тираж 300 экз. Заказ № 131

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел. / Факс: (925) 517-36-91**

Е-mail: inion@bk.ru

Е-mail: ani-2000@list.ru

(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9